

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/72/12

С.С. Жданов

НЕМЕЦ КАК ГЕРОЙ ПУТИ (ПО ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ДУЭЛЬ»)

Рассматривается связь образа фон Корена, героя повести А.П. Чехова «Дуэль», с типажными немцами русской литературы XIX в. в контексте предложенной Ю.М. Лотманом пространственной типологии героев. Акцентируется наличие в образе чеховского персонажа как черт, присущих немецким типажам, героям места (приверженность теории, прямолинейность, интенция к упорядочиванию пространства), так и мотива уклонения от прямолинейного движения, характеризующего фон Корена как способного на изменение героя пути.

Ключевые слова: А.П. Чехов, имагология, этностереотип, немецкость, герой-немец, герой пути, образ ученого, русская литература

Творческие и биографические связи А.П. Чехова с Германией рассматриваются в современном литературоведении в различных аспектах – от исследования идейных переключек творчества русского писателя с немецкой философией (например, в статьях К. Йетле [1], Т. Копылов [2], Е. Себиной [3]) до изучения его «предсмертного» путешествия на немецкий курорт (Р.Д. Клуге [4], Р. Лангендёрфер [5]).

Еще одним вопросом в рамках данной проблематики является рассмотрение маркируемых немецкостью чеховских персонажей в работах таких исследователей, как В.С. Абрамова [6], Т.О. Буглак [7], У. Даннеман [8], О.С. Крюкова [9], Д.Л. Рясов [10], К. Хильшер [11]. При этом указанные авторы в своих рассуждениях отталкиваются от феноменов этностереотипа и литературного штампа, т.е. типажа как особого устойчивого способа описания героя-немца в русской литературе. Так, исследователи отмечают частое обращение А.П. Чехова к немецкому типу в его ранних рассказах, в которых, по мнению О.С. Крюковой, «...все “немецкое” становится богатейшим источником комического» [9. С. 89].

Сложнее обстоит дело с образами немцев в «средний» и поздний периоды чеховского творчества, которые выделяют исследователи, что представляет для нас особый интерес, поскольку рассматриваемая в данной статье повесть «Дуэль» не относится к ранним произведениям А.П. Чехова. Наиболее радикальной в связи с этим представляется позиция К. Хильшера, утверждающей, что «нет ни одного рассказа среднего и позднего периода, который бы имел в качестве главной темы национальную проблематику»¹ [11. С. 629]. Причем, по утверждению исследовательницы, чеховские «герои с немецкими именами вообще не соответствуют стереоти-

¹ Здесь и далее перевод с немецкого наш. – С.Ж.

пам, выработанным в русской литературной традиции» [11. С. 630–631]. Менее категорична У. Даннеман, придерживающаяся эволюционной точки зрения на развитие «немецких» чеховских образов как на «деконструкцию стереотипов»: «Сначала в прозе он показал немцев очень стереотипно, потом в драматургии он их изобразил индивидуальными характерами» [8. С. 11]. При этом исследовательница считает героя чеховской повести «Дуэль» с немецкой фамилией фон Корен неким переходным этапом, когда наблюдается стремление автора внести в характеристику немецкого образа нетипичные свойства.

Второй, «эволюционный», подход представляется нам более взвешенным. Тем более что, как показали еще А.В. Жуковская, Н.Н. Мазур, А.М. Песков, немецких литературных типажей в русской литературе имеется целое множество [12]. В частности, чеховский образ зоолога фон Корена имеет, что будет показано далее, определенные черты сходства с типажом немца-ученого [13], хотя и далеко не исчерпывается ими.

Для более адекватного суждения о немецкости либо ненемецкости героя повести «Дуэль» следует обратиться к классификации персонажей, предложенной Ю.М. Лотманом, который, в частности, выделяет героев пути и героев места, т.е. характеризует их через пространство. Герой места статичен, связан с определенным закрытым локусом, тогда как «герой пути перемещается по определенной пространственно-этической траектории в линейном *spatium'e*» [14. С. 417]. Образы таких персонажей определяются «открытым пространством» [14. С. 417] и отличаются от образов героев места большей индивидуализацией, что вытекает из медиационной функции пути, который, по В.Н. Топорову, «...нейтрализует противопоставления этого и того, своего и чужого, внутреннего и внешнего, близкого и далекого... “культурного” и “природного”, видимого и невидимого, сакрального и профанического...”» [15. С. 260]. В результате образ героя пути, связанного с множеством гетерогенных локусов, является более сложным, чем образ героя одного определенного пространства.

Эта лотмановская типология персонажей ранее была использована нами для анализа немецкой образности в русской литературе XIX в. [16]. Было показано, что немцы – герои места обладают большей типажностью, чем маркированные немецкостью герои пути. Позднее к данной классификации уже при характеристике чеховского фон Корена прибегает и Т.О. Буглак, которая подчеркивает: «...как фон Корен, так и Лаевский, по типологии Ю.М. Лотмана, являются героями подвижными в противовес героям неподвижным, о которых мы говорили ранее» [7. С. 261], т.е. немецким персонажам из чеховского раннего периода. Отметим, что и В.С. Абрамова прибегает к понятию динамики при определении специфики изображения Другого в дальнейшем творчестве А.П. Чехова: «В отличие от ранних рассказов... в более поздних текстах образы иноземцев отличаются динамичностью» [6. С. 132]. У. Даннеман прямо подчеркивает: «Фон Коррен изображен не статично, как другие немцы» [8. С. 16]. Несмотря на вышеприведенные замечания, следует отметить, что в литературоведении образ че-

ховского фон Корена в аспекте его типажной немецкости ранее подробно не рассматривался. Данная имагологическая работа заполняет эту лакуну, представляя персонажа как индивидуализированного героя пути, в образе которого, однако, есть элементы, характерные для типажного немца.

Эти особенности образа фон Корена становятся понятны при его сопоставлении с другими образами героев-немцев в русской литературе. Так, своей приверженностью теории, уверенностью в ее непогрешимости чеховский персонаж напоминает типажных немцев-ученых, например френолога Шишкеногольма из прутковской оперетты «Черепослов, сиречь Френолог», утверждавшего: «...профессор френологии может всегда безошибочно узнать: кто способен и кто не способен любить...» [17. С. 222]. Аналогично фон Корен, наблюдавший за своим антагонистом Лаевским, совершенно уверен в испорченности последнего. В желании уничтожить противника и доказать собственную правоту чеховский немец готов идти до конца, даже подвергая свою жизнь риску, что роднит его с обладателем «железной воли» — лесковским инженером Пекторалисом, соперничавшим до самой смерти с безвольным Сафронычем. Причем путешествующий по России немецкий герой Н.С. Лескова парадоксально выступает героем места: перемещаясь в «физическом» художественном пространстве произведения, он остается недвижим и неизменен в пространстве этическом. Точно так же движется, но не меняется преданный своей теории комический ученый-немец Шпурцман из рассказа О. Сенковского «Ученое путешествие на Медвежий остров» [18]. Сходную жесткость, неизменность в своих представлениях о мире проявляет в начале чеховской повести и фон Корен.

С типажными немцами фон Корена роднит также мотив обывательского самолюбования как признака самозамкнутости, эгоцентричности, что проявляется в сцене рассматривания героем себя в зеркале: «Самосозерцание доставляло ему... удовольствие... Он был очень доволен и своим лицом, и красиво подстриженной бородкой, и широкими плечами, которые служили очевидным доказательством его хорошего здоровья и крепкого сложения. Он был доволен и своим франтовским костюмом, начиная с галстука, подбранного под цвет рубахи, и кончая желтыми башмаками» [19. С. 367].

В то же время в портретном описании фон Корена автором подчеркивается ненемецкость внешности героя: «...смуглое лицо, большой лоб и черные, курчавые, как у негра, волосы» [19. С. 367]. Вообще, в этом образе обнаруживается сочетание разнорасовых характерных черт: немецких, африканских (сопоставление с негром, а также азиатских (через изображение элементов одежды): «рубаха из тусклого ситца с крупными цветами», «похожего на персидский ковер», «широкий кожаный пояс вместо жилетки» [19. С. 367]. Указание на Персию, кроме аллюзий общеориенталистского толка, характерных для кавказского текста, может восприниматься как ницшеанская реминисценция о Заратустре, немце в иранской «маске». Национальная неопределенность образа фон Корена проступает и в том, что он не является немцем в глазах его друга, доктора Самойленко. Последний упрекает Корена за его ярко выраженные социал-

дарвинистские идеи, источником которых объявляется немецкая мысль: «...ты ученейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили» [19. С. 376]. Оставаясь на позиции, что «...всё зло в политике и науке происходило от немцев» [19. С. 376], доктор не включает в их число своего друга.

В повести в связи с фон Кореном фиксируются два пространственных варианта. Первый из них – предполагаемый – задан его антагонистом Лаевским. Этот локус имеет сходство с типажным идиллическим хронотопом, напоминающим штольцевскую усадьбу, увитую виноградом, в финале романа И.А. Гончарова, или дом «добродетельного фатера» в романе «Игрок» Ф.М. Достоевского. Лаевский заявляет доктору Самойленко: «Если бы вместо меня был ты или этот твой зоолог фон Корен, то вы, быть может, прожили бы с Надеждой Федоровной тридцать лет и оставили бы своим наследникам богатый виноградник и тысячу десятин кукурузы...» [19. С. 355–356].

Однако честолюбивый зоолог не довольствуется итоговым пространством штольцевского масштаба. Фон Корен желает осуществить то, в чем заключается изначальный идеал освоения мира Штольцем – всеохватность: «Учиться хочет, все видеть, знать» [20. С. 54]. Для фон Корена это означает волю к исследованию (= покорению) русского простора, что сближает героя с лесковским Пекторалисом, чья идея фикс – «все подчинять» [21. С. 15]. Этот большой упорядоченный локус – второй, «истинный», пространственный вариант образа фон Корена. При этом, как и герой Н.С. Лескова, чеховский немец не просто грезит о власти над пространством Чужого, но строит четкие планы, что согласуется с традицией изображения немецкой типажности в русской литературе: «Через два года, когда у меня будут готовы средства и люди, я отправлюсь в экспедицию <...> Я пройду берегом от Владивостока до Берингова пролива и потом от пролива до устья Енисея. Мы начертим карту, изучим фауну и флору и обстоятельно займемся геологией, антропологическими и этнографическими исследованиями»¹ [19. С. 383]. Заметим, что фон Корен, строя фразу, использует не условный союз «если», а временной «когда»: в хронотопе его путь определен им не как возможная линия движения, а как предначертанная ему типажная «немецкая колея»².

¹ При определенном сходстве сцен из чеховской повести, где фон Корен убеждает дьякона бросить все и поехать с ним в экспедицию к Енисею, и вышеупомянутого рассказа О. Сенковского, когда Шпурцман уговаривает барона Бромбеуса отправиться к устью Лены, есть между ними и различие. Шпурцман делает акцент на возможности «сделать какое-нибудь важное для науки открытие» [18. С. 41], а фон Корен – на шанс «перестать быть обыкновенным дьяконом» и стать «другим человеком». [19. С. 384], т.е. при общем элементе жажды славы в последнем случае подчеркнут момент внутренней трансформации, т.е. пути.

² В русской литературе, как правило, путь героя-немца предзадан, линейен и различается обычно лишь масштабом охвата пространства. Это может быть «узенькая немецкая колея», как у Штольца-старшего или гоголевского жестянщика Шиллера, либо «широкая дорога» не вполне типажного Штольца-сына [20. С. 161].

Та же самая воля утверждения своего *Я* в пространстве заставляет зоолога, как считает Лаевский, заниматься исследованием медуз на Кавказе, на побережье Чёрного моря, а не в более пригодных для этого условиях: «Все серьезные зоологи работают на биологических станциях в Неаполе или Villefranche. Но фон Корен самостоятелен и упрям: он работает на Черном море, потому что никто здесь не работает; он порвал с университетом, не хочет знать ученых и товарищей, потому что он прежде всего деспот, а потом уж зоолог» [19. С. 398].

Причём герой покоряет как биологическое, так и городское социальное пространство, центр которого он образует: «...живет он второе лето в этом вонючем городишке, потому что лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым. Он здесь король и орел; он держит всех жителей в ежах и гнетет их своим авторитетом. Он прибрал к рукам всех, вмешивается в чужие дела, всё ему нужно и все боятся его» [19. С. 398]. По мнению Лаевского, высшая цель фон Корена – стать повелителем окружающего пространства (наподобие лесковского Пекторалиса): «Ему нужна пустыня, лунная ночь: кругом в палатках и под открытым небом спят его голодные и больные, замученные тяжелыми переходами казаки, проводники, носильщики, доктор, священник, и не спит только один он и, как Стэнли, сидит на складном стуле и чувствует себя царем пустыни и хозяином этих людей» [19. С. 397].

Столь же типажно немецким изображается *Я* героя (как, по В.Н. Топорову, «ось раз-ворота» [15. С. 239]), проявляющееся через самоактуализацию в пространстве: «Это натура твердая, сильная, деспотическая» [19. С. 397]. Мотив дисциплинарно-насилованного упорядочивания человеческого естества, т.е. внутреннего элемента, коррелирующего с внешним пространством, можно усмотреть также в реплике фон Корена, порицающего русского дьякона за то, что тот, «по-видимому», «никогда» не будет «заниматься делом»: «Бить вас некому!» [19. С. 368].

Образ фон Корена, равно как и Штольца, отмечен мотивом непрерывного движения. Гончаровский персонаж постоянно «путешествует» [20. С. 54], или, в интерпретации раздосадованного домоседа-Обломова, «чёрт знает где шатается!» [20. С. 39]. Также и фон Корен «...идет, идет, идет куда-то...» [19. С. 397]. Но если финальной точкой пути Штольца становится идиллическое пространство его дома, то пространственные перемещения чеховского героя могут закончиться лишь с его смертью: «...люди его... мрут один за другим, а он – идет и идет, в конце концов погибает сам и все-таки остается деспотом и царем пустыни, так как крест у его могилы виден караванам за тридцать-сорок миль и царит над пустыней» [19. С. 397].

Но даже гибель героя становится манифестацией его пространственного самоутверждения (крест здесь выступает вертикальной «мировой» осью, зримым воплощением непоколебимого немецкого *Я*). Аналогичным образом лесковский Пекторалис своей смертью стремится заявить о торжестве железной воли. Показательна в этом смысле финальная сцена чеховской повести, в которой фон Корен отправляется на лодке в бурлящее зимнее

море, собираясь пересечь на пароход: «Лодка... вышла на простор. Она исчезла в волнах, но тотчас же из глубокой ямы скользнула на высокий холм...» [19. С. 454]. Подобно лесковскому инженеру, ученый из чеховской повести устремляется в пространство смертельной водности. По аналогии с Пекторалисом, совершающим свой путь сквозь застуженную Россию во имя осуществления своей цели, фон Корен, невзирая на угрозу жизни, вновь отправляется подчинять себе неупорядоченное российское пространство.

Амбициозностью фон Корен также похож на разъезжающего по Сибири ученого Шпурцмана из сатирического произведения О. Сенковского, который, между прочим, тоже согласен проститься с жизнью после свершения «великого» открытия. Признание достижений будущей экспедиции необходимо чеховскому герою, поскольку он хочет самоутвердиться в научной сфере и, более того, преобразовать ее в соответствии со своими правилами: «Он уж и теперь мечтает, что когда вернется из экспедиции, то выкурит из наших университетов интригу и посредственность и скрутит ученых в бараний рог» [19. С. 398].

Однако в волевой устремленности беспрестанного движения немца, с точки зрения Лаевского, имеются не только смертельные, но и жизнеутверждающие элементы. Неожиданно фон Корен включается в ряд бесчисленных русских странников, правдоискателей, ведомых верой в существование пространства истины. Образ лодки, уносящей героя в морскую даль, символизирует борьбу не столько немецкой, сколько человеческой воли с жизненным хаосом: «Лодку бросает назад <...> делает она два шага вперед и шаг назад, но гребцы упрямы, машут неумоимо веслами и не боятся высоких волн. <...> Так и в жизни... В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...» [19. С. 455]. В данном случае мотив беспрестанного движения типажного немца как воплощения протестантского трудового этоса для штотльцевского варианта в романе И.А. Гончарова или пресловутого *Drang nach Osten* в «Железной воле» Н.С. Лескова у А.П. Чехова получает новую интерпретацию в качестве мотива русского правдоискательства. Данная смена «национальных регистров» фиксирует характерное для отечественной культуры понимание пути как устремления к священной истине: «...стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь. Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» [22. С. 408]. Это, однако, не отменяет того, что реализатором этого торжества воли в секуляризованном варианте выступает герой, образ которого имеет черты немецкости, причем с «германской» отсылкой к нищезанятию.

Наряду с этим в чеховском тексте можно обнаружить определенную сюжетную амбивалентность, из-за чего финал произведения оказывается неоднозначным. В данном случае выявляется нарративное балансирование между уже указанным нами сюжетом упорядочивания неменяющимся

немцем окружающего пространства и сюжетом нравственной трансформации немца под влиянием внешнего мира.

Так, перемещаясь в пространстве Чужого, фон Корен стремится данное пространство упорядочить с помощью дисциплинирующих действий: «Из него вышел бы превосходный, гениальный полководец. Он умел бы топить в реке свою конницу и делать из трупов мосты...» [19. С. 397]. В этом случае герой похож на немецких генералов из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» с их фантазиями о целерациональных линейных перемещениях военных колонн: «Для этой цели необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...» [23. С. 330].

Лаевский винит фон Корена в том, что реальных людей последний не видит. Для него имеет значение упорядочивание мира ради выживания человечества в соответствии с идеями социального дарвинизма, иначе говоря, действительность должна подчиниться плану героя-немца: «Для фон Корена же люди – ценки и ничтожества, слишком мелкие для того, чтобы быть целью его жизни» [19. С. 398]. В данном случае актуализируется образ ученого-рационалиста, воспринимающего жизнь как абстракцию и вследствие этого не ценящего ее: «Он работает, пойдет в экспедицию и свернет себе там шею не во имя любви к ближнему, а во имя таких абстрактов, как человечество, будущие поколения, идеальная порода людей» [19. С. 398].

По мысли Лаевского, фон Корен сводит антропное к биологическому уровню, нивелирующему значение индивида по отношению к виду: «Он хлопочет об улучшении человеческой породы, и... мы для него только рабы, мясо для пушек, выючные животные; одних бы он уничтожил или законопатил на каторгу, других скрутил бы дисциплиной, заставил бы, как Аракчеев¹, вставать и ложиться по барабану, поставил бы евнухов, чтобы стеречь наше целомудрие и нравственность, велел бы стрелять во всякого, кто выходит за круг нашей узкой, консервативной морали, и всё это во имя улучшения человеческой породы...» [19. С. 398].

Для фон Корена упорядочение мира в соответствии с его взглядами предполагает искоренение стихийного, дезорганизирующего элемента. В этом случае происходит пересечение сюжета переделывания мира и сюжета вытеснения Чужого за пределы упорядоченного, поскольку крайний вариант трансформации пространства как своего рода «апокатастасиса» подразумевает для немца физическое устранение Чужого как мирового зла. Фон Корен рассчитывает упорядочивать социальное пространство двумя способами. Согласно первому маргиналов необходимо помещать в особые «анклавы», где на них станут воздействовать силой или тяжким трудом, приучая к дисциплине: «Уничтожить Лаевского нельзя, ну так изолируйте его, обезличьте, отдайте в

¹ Показательно, что, как и в работе А.И. Герцена «Русские немцы и немецкие русские», в чеховской повести мотив немецкого дисциплинирования связывается с образом Аракчеева: «Аракчеев <...> был... по службе немец и, не отдавая себе никогда отчета, выбивал из солдата и мужика не только русского, но и человека» [24. С. 150].

общественные работы...» [19. С. 375]; «По-моему, самый прямой и верный путь – это насилие. *Manu militari* ее следует отправить к мужу, если муж не примет, то отдать ее в каторжные работы или какое-нибудь исправительное заведение» [19. С. 393–394].

Второй путь, по фон Корену, – это физическое изъятие нарушителя порядка из пространства посредством его убийства. Фон Корен не единожды склоняется к мысли о желательности смерти Лаевского: «Вот уж кого мне не жаль! <...> Если бы этот милый мужчина тонул, то я бы еще палкой подтолкнул: тони, братец, тони...»¹ [19. С. 368–369]; «Лаевский безусловно вреден и так же опасен для общества, как холерная микроба <...> Утопить его – заслуга» [19. С. 369]; «...мы должны сами позаботиться об уничтожении хилых и негодных, иначе, когда Лаевские размножатся, цивилизация погибнет...» [19. С. 376]. В итоге зоолог, воспользовавшись неуравновешенностью противника, вызывает его на дуэль, неукоснительно следуя, подобно типажному «доброму немцу», своему плану.

Для движения фон Корена, как и Штольца², характерна прямолинейность: «...самый прямой и верный путь – это насилие» [19. С. 393]; «Смотрите в глаза черту прямо...» [19. С. 432]. Аналогично Штольцу чеховский ученый стремится к определенности и в словах и в поступках: «Мы проклинаям порок только за глаза, а это похоже на кукиш в кармане» [19. С. 393]. В данный образный ряд прямолинейности включается и «дуло пистолета» фон Корена, «направленное прямо в лицо» Лаевскому [19. С. 447]. Русский герой склонен уклоняться от всего и вся и даже под страхом смерти не может наставить свое оружие прямо на противника, предпочитая выстрелить в воздух. Немец же невозмутимо прицеливается. Таким образом, в сцене поединка противоположные пространственные принципы поведения героев выражены весьма наглядно.

Вместе с тем, в дополнение к сказанному выше, путь фон Корена сходен с «металлизмом» лесковского Пекторалиса в том, что чеховский зоолог сам берет на себя роль орудия социально-биологического отбора, рассуждая в этом случае подобно инженеру Н.С. Лескова, который рассматривает свою судьбу как умножение (хотя и неосуществленное) доставшейся от предков «железной воли» в будущих потомках. Кроме того, Пекторалис неустанно пытается погубить своего противника, жалкого Сафроныча, а фон Корен стремится покончить с «микробой» Лаевским. Чеховский герой, оправдывающий свое поведение биологической теорией, аналогичен в движении траектории пули,

¹ Вполне вероятно, это парафраз знаменитому ницшевскому «...was fällt, das soll man auch noch stossen!» [25] из «Also sprach Zarathustra», что в недословном переводе на русский превратилось в «Падающего толкни!».

² Сравните с «похвалой прямоте» в интерпретации Штольца: «Простой, то есть прямой, настоящий взгляд на жизнь – вот что было его постоянною задачею, и... он... был внутренне горд и счастлив всякий раз, когда ему случалось заметить кривизну на своем пути и сделать прямой шаг» [20. С. 165]. Вообще, немцы, по мнению русской матери Андрея, способны лишь к прямолинейному движению в этическом пространстве и не способны «обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай» [20. С. 157–158].

подчиняющейся физическим законам баллистики, так же как герой-немец следует собственным жизненным планам. Ни пуля, ни персонаж не способны уклониться от предзаданного пути. Сам фон Корен категорично заявляет о недопустимости отклонения от выбранной траектории движения: «...если бы... государство или общество поручило тебе уничтожить его... решился?» – «Рука бы не дрогнула» [19. С. 394]; «В интересах человечества и в своих собственных интересах такие люди должны быть уничтожаемы. Непременно» [19. С. 375]. Чеховский герой уподобляется куску металла, пуле, которая призвана устранить Чужого-Лаевского из пространства немца.

В сущности, по типу движения именно Лаевский прямо противоположен фон Корену. Если ученый-немец является дисциплинатором-упорядочивателем пространства, то русский герой предстает трикстером. Фон Корен, по сути, делает Лаевского ответственным за все несчастья здешнего общества: «...он научил жителей городка играть в винт <...> пить пиво <...>; ему же обыватели обязаны сведениями по части разных сортов водок <...> прежде здесь жили с чужими женами тайно <...>; прелюбодеяние считалось чем-то таким, что стыдились выставлять на общий показ; Лаевский же явился в этом отношении пионером: он живет с чужой женой открыто¹» [19. С. 369–370]. Отметим также, что для фон Корена Лаевский является соперником в утверждении власти над пространством: «Еще год-два – и он завоюет все кавказское побережье <...> Судите же, какое у него широкое поле для заразы!» [19. С. 373–375].

В сущности, перед нами развёртывается поединок между героем места, строго соблюдающим законы, и, по типологии Ю.М. Лотмана, героем «степи», эти законы игнорирующим (это также напоминает противостояние Пекторалиса с Сафроничем): «...он недурной актер и ловкий лицемер <...> Рыться под цивилизацию, под авторитеты, под чужой алтарь, брызгать грязью, шутовски подмигивать на них только для того, чтобы оправдать и скрыть свою хилость и нравственную убогость, может только очень самолюбивое, низкое и гнусное животное» [19. С. 373–375].

Дисциплинатору немцу, напротив, требуется, чтобы «...порядки стали лучше, а чиновники исправнее, честнее и вежливее» [19. С. 373–375]. В ходе борьбы фон Корен не только находит в Лаевском черты шута-трикстера, но и отказывается признавать его человеком, изгоняет Чужого

¹ В данном случае фон Корен позволяет себе в поступках некоторую двусмысленность. С одной стороны, он считает за лучшее открыто порицать общественные недостатки, с другой – предпочитает, чтобы изъяны общества оставались незаметными ради сохранения пристойности. При этом дисциплинатор и реформатор фон Корен, считающий, что социолог и зоолог означают «одно и то же» [19. С. 393], в своих убеждениях чрезвычайно консервативен, и в этом он сходен с обывателями, которых он презирает. Разница между ними лишь в способах рационализации морали. Филистеры выводят ее из почитания традиции, в фон Корен обосновывает установленные правила общественной жизни при помощи биологических законов. Подобно типажным немцам, зоологу необходимы определённые принципы регламентации социальной действительности, которыми в некоторой степени пренебрегает Лаевский.

из социального пространства, издевательски называя «микробой» [19. С. 369], «макакой» [19. С. 373], «низким и гнусным животным» [19. С. 374]. Этот «биологический» дискурс в итоге применяется немцем-ученым для оправдания убийства противника.

Трудно сказать, сознательно ли А.П. Чехов использует обезьяний мотив в контексте с немецкой образностью. Но примечательно, что немец-шарманщик с обезьяной фигурирует в чеховском рассказе «Благодарный немец», относящемся к раннему периоду творчества писателя, где, как уже сказано, национальные стереотипы используются напрямую. В связи с этим нельзя не отметить скрытый подтекст «обезьяньего мотива», если вспомнить русскую поговорку «Немец хитер, обезьяну выдумал». Социальный дарвинист и зоолог, Фон Корен на самом деле выдумывает «обезьяну» (макаку), обозначая таким образом Лаевского с его любовницей. Если судить по словам ученого, его противники не живые люди, а карикатуры, олицетворяющие идею деградации. Это и психологическая уловка, и перенесенный в социальное пространство вариант абстрактного отношения немца-геллертера к миру. Фон Корен борется не с конкретными людьми (он даже не может правильно назвать отчество сожительницы Лаевского), а с возникшими в голове ученого идеями относительно них.

Немец-дисциплинатор, с одной стороны, пытается рационализировать свое отношение к нарушающему столь любимый им порядок трикстеру, причем делая это через метафору движения: «... я бы прошел мимо него, если бы он не был так вреден и опасен» [19. С. 373]. С другой – это отношение внерационально. Ненависть Лаевского и публично выражая свое отвращение к нему, фон Корен фактически противоречит собственным убеждениям. Заявляя доктору Самойленко, что «ненавидеть и презирать микробу – глупо...» [19. С. 369], герой-немец ощущает именно ненависть. Так, в ходе дуэли Лаевский замечает «выражение ненависти и презрения в позе и во всей фигуре» соперника [19. С. 447–448]. В определенном смысле это еще один пример уклонения от заявленной героем-немцем прямолинейности.

Вообще, мотив вымещения Чужого из своего пространства является ведущим в повести. Он и Лаевский не могут сосуществовать в одном локусе: «Лаевский знал, что его не любит фон Корен... и в его присутствии чувствовал себя так, как будто всем было тесно и за спиной стоял кто-то» [19. С. 387]. Даже выражению глаз фона Корена приписывается вытесняющая сила: «Лаевский почувствовал неловкость: в спину ему бил жар от костра, а в грудь и в лицо – ненависть фона Корена...» [19. С. 391]. В итоге герой-немец, движущийся к цели устранил Чужого, буквально загоняет своего противника в ловушку, лишая возможности сбежать из города и тем самым провоцируя на поединок: «“Да, ваше положение безвыходно”, – сказал фон Корен...» [19. С. 423].

Стоит отметить, что воинственность героя-немца актуализируется в самом начале повести, когда фон Корен описывается прицеливающимся из пистолета в портрет генерала Воронцова, занимавшего несколько лет должность царского наместника на Кавказе. Зоолог в некотором смысле состязается с Во-

ронцовым за власть над территорией, чтобы позже, ведя борьбу с Лаевским уже за «жизненное» пространство, убивать по-настоящему.

Но во время дуэли, когда немец целится не в портрет, лишь в своем воображении уничтожая врага, а наводит пистолет на реального человека, его рука в момент выстрела, хотя это и противоречит сказанным им ранее словам, все-таки «дрогнула», и пуля лишь слегка ранит Лаевского. Такой исход поединка объясняется, с нашей точки зрения, тем, что «траекторию пули» в финальной сцене замещает образ путей человеческих, где движение не может быть исключительно рационально рассчитанным, что характерно для типажных немцев, но отличается наличием отклонений и изменений.

Однако эпизод с дуэлью все же не имеет однозначной трактовки, поскольку непонятно, допустил бы Корен промах, если бы в последней момент не вмешался дякон. Случайно ли дрогнула его рука, или все же зоолог в заключительный миг дуэли на самом деле отказался от убийства? Во всяком случае, в сцене примирения бывших соперников фон Корен отстаивает общую правильность собственных взглядов, признавая в то же время ошибочность своих выводов относительно опасности Лаевского для общества: «...я не затем пришел сюда, чтобы извиняться или уверять, что я не виноват. Я действовал искренно и не изменил своих убеждений с тех пор... <...> я ошибся относительно вас, но ведь спотыкаются и на ровной дороге...» [19. С. 452]. Соответственно, ученый-немец продолжает судить о ситуации как о неизменяемом в целом пути, на котором могут возникнуть незначительные случайные отклонения. Фон Корен, уступая в малосущественном, не отказывается от общей правильности выстроенной им теории: «...такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях» [19. С. 452–453].

При ответе на вопрос, изменился ли фон Корен, необходимо также принять во внимание мотив «скручивания в бараний рог» как воли к подчинению, в том числе и самодисциплинированию. В начале произведения Лаевский заявляет, что зоолог не прочь «скрутить ученых в бараний рог» и «скрутил бы дисциплиной» обычных людей [19. С. 398]. В финале повести уже сам фон Корен, присмотревшись к тому, как, сгорбившись за столом, кропотливо работает его прежний соперник, произносит: «Как он скрутил себя!» [19. С. 451]. Иными словами, герой отмечает, что Лаевский обуздал себя, приобщившись к «немецкой железной воле», и в определенной мере стал похож на него¹. Таким образом, концовку можно рассматривать как утверждение фон Корена в изначально занимаемой им позиции.

С другой стороны, допущение героем вероятности «споткнуться» как возможности отклониться от волевой прямолинейности в движении может

¹ Сравните с проявлением целерациональности в мотиве контроля немца за своей телесностью, гиперболизированно представленном в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект», в которой жестянщик Шиллер готов сам себе отрезать нос, только бы не отступить от планов по накоплению капитала.

рассматриваться в качестве свидетельства трансформации персонажа в героя пути. Типажные немцы, герои места, напомним, не приемлют даже малейшего изменения траектории движения. Так, лесковский Пекторалис может вести себя глупо с точки зрения здравого смысла, но все его поступки при этом целерациональны, т.е. объясняются наличием цели самоутверждения в пространстве. Если уж инженер решил известить Сафроныча, то его рука, в отличие от руки фон Корена, не дрогнула. Таким образом, чеховский герой вырывается за пределы жестко детерминированного, рационализированного «немецкого» локуса в новое пространство, где будущее не определено изначально и есть место случайностям, альтернативным путям развития и вообще человечности, которая предполагает свободу выбора¹.

Отметим также некоторую неуверенность, которую фон Корен чувствует перед тем, как переступить порог дома Лаевских, – неуверенность, которая совершенно не в характере того же лесковского Пекторалиса, пожаловавшего в дом Сафроныча на его поминки, чтобы публично продемонстрировать свою железную волю. Все эти детали выступают внешне едва заметными, но очевидными проявлениями перемены в фон Корене. До сюжетной кульминации характер его движения в пространстве был уподоблен траектории пули, управляемой физическими законами баллистики. Также образ пули связан с мотивом металлизма, которым проникнуто описание немецкости в русской литературе. Однако в итоге фон Корен сворачивает на пути человеческие, что в финальной сцене подчеркивается его символическим отплытием на лодке как вхождением в стихийное пространство моря (= жизненный хаос), где хрупкая общечеловечность является более значимым атрибутом, чем такие частные характеристики, как немецкость или принадлежность героя к ученым.

Итак, образ фон Корена в повести А.П. Чехова «Дуэль» отличается многогранностью. С одной стороны, в нем присутствуют черты, сходные с характеристиками немецких типажей в русской литературе. Это и типаж отвлеченного теоретика немца-ученого, и гротескно типизированный образ инженера Пекторалиса из рассказа Н.С. Лескова «Железная воля». Этому, надо сказать, способствует сама чеховская манера изображения персонажа. Фон Корен часто описывается не напрямую, а через субъективную оценку его личности другими героями – через их фразы или передачу их мыслей о зоологе. Соответственно, мы сталкиваемся с образом фон Корена, представленного с точки зрения не только рассказчика, но и других персонажей. Именно этот второй образ более типажен и клиширован. Но и в ре-

¹ Трансформации, переживаемые как Лаевским, так и фон Кореном, безусловно, соотносятся с одной из ключевых гуманистических чеховских тем – темой способности личности к изменению. Но в данной работе нас интересует более узкий, имагологический контекст связи образа фон Корена с немецкими типажами, которым свойственна неизменяемость. Именно возможность преобразования, отхода от предзаданности движения в художественном пространстве отличает персонажа чеховской повести от типажных немцев, составляющих большинство маркируемых немецкостью героев в русской литературе, и делает его героем пути.

пликах и действиях самого отмеченного немецкостью персонажа проступают характерные для типажного немца черты. Это прежде всего касается выстраивания автором его образа как дисциплинатора и упорядочивателя окружающего пространства, а также характеристики пространственного движения героя, что уподобляет его путь точно рассчитанной траектории пули как воплощения неумолимой судьбы. С другой стороны, отходом от типажности выступает здесь уже сама возможность отклониться от неизменяемой траектории, нарушить правило жизни, что, как подчеркивается, например, в гончаровском романе, невозможно для типажных немцев. В этом отклонении проявляется не механическая «железная воля», а гуманистический посыл, позволяющий герою-немцу преодолеть и теоретический фанатизм, и фатум, что дает возможность оценивать образ фон Корена как героя пути (хотя и осложненного наличием черт героя места). Однако финал повести остается открытым, ставя под вопрос способность героя-немца окончательно свернуть со своей рациональной жизненной траектории и в то же время выходя на тему русского странничества как правдоискательства.

Литература

1. Йеттле К. А.П. Чехов и И.-В. Гете // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 32–35.
2. Копылович Т. Мировоззрение Антона Павловича Чехова и философия Артура Шопенгауэра // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 115–122.
3. Себина Е. Чехов и Ницше: Проблема сопоставления на материале повести А.П. Чехова «Черный монах» // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 126–136.
4. Kluge R.-D. „...ein großer Garten, dahinter bewaldete Berge...“. Anton Tschechow in Badenweiler. Spuren 45. Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für literarische Museen, Archive und Gedenkstätten in Baden-Württemberg. Marbach am Neckar : Deutsche Schillergesellschaft, 1998. 15 S.
5. Langendörfer R. Kranker Anton und „Blauer Heinrich“. Kranke und Gesunde im Badenweiler von 1904. URL: <https://www.deutsche-tschechow-gesellschaft.de/content/download/509/3476/file/Kranker%20Anton%20und%20%E2%80%9EBlauer%20Heinrich%E2%80%9C.pdf> (date of access: 09.04.2020).
6. Абрамова В.С. Этностереотипы и их роль при изображении иностранцев в прозе А.П. Чехова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 127–142. DOI: 10.17223/19986645/53/9
7. Буглак Т.О. «Русское» и «немецкое» художественные пространства в творчестве А.П. Чехова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 259–263.
8. Даннеман У. Изображение немцев в творчестве Чехова: деконструкция стереотипов // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 11–18.
9. Крюкова О. С. Немцы и «немецкое» в раннем творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя : сборник материалов междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009 г. Ростов-н/Д, 2009. С. 89–84.
10. Рясов Д.Л. Образы немцев в творчестве А.П. Чехова: продолжение гоголевской традиции // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. 2019. С. 168–171.

11. *Hielscher K.* „Die absolute Freiheit von Vorurteilen“. Thematisierung und Dekonstruktion der nationalen Stereotypen bei Anton Čechov // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München: Wilhelm Fink, 2006. Bd. 4: 19./20. Jahrhundert : Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg. S. 605–635.
12. Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.
13. Жданов С.С. Ученость «Германии туманной»: к комическому образу немецкого ученого в русской литературе конца XVIII – начала XX вв. // Вестник СГУГиТ. 2017. № 4. С. 243–256.
14. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 413–447.
15. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.
16. Жданов С.С. Национальность героя как элемент художественной системы (немцы в русской литературе XIX века) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 197 с.
17. Прутков К. Сочинения. М. : Худож. лит., 1976. 381 с.
18. Сенковский О. Ученое путешествие на Медвежий остров // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. М., 1991. С. 34–116.
19. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1977. Т. 7. 735 с.
20. Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 4. 534 с.
21. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М. : Худож. лит., 1957. Т. 6. 686 с.
22. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 407–412.
23. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 4. 400 с.
24. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. 703 с.
25. *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/7205/pg7205-images.html> (дата обращения: 10.02.2019).

A German as a Character of the Way (Based on Anton Chekhov's Novella *The Duel*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 232–247. DOI: 10.17223/19986645/72/12

Sergey S. Zhdanov, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation), Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Keywords: Anton Chekhov, imagology, ethnic stereotype, Germanness, German characters, character of way, image of scientist, Russian literature.

The article deals with the image of the character von Koren in Anton Chekhov's novella *The Duel* in connection with German types of characters in Russian literature of the 19th century. Along with Chekhov's novella, other Russian writers' works related with the literary Germanness are used in order to determine common and differential features of German characters in the analyzed texts. These are Osip Senkovsky's story "The Scientific Journey to Bear Island", Kozma Prutkov's operetta "Chereposlov, videlict Phrenologist", Nikolai Leskov's story "Iron Will", Ivan Goncharov's novel *Oblomov*, and some others. The main methods of the study are structural semiotics and comparative-typological analysis. The theoretical basis of the article builds on Yu.M. Lotman's typology of characters whereby the characters of the way, the place and the 'steppe' are distinguished and German character types in Russian literature of the 19th century (A.V. Zhukovskaya et al.) are classified. In the context of appealing to literary character types of other nations, *The Duel* could be attributed to the 'transitional' period of Chekhov's work. Opposite to the early texts of the author where ethnic stereotypes are used as is to create a comic effect, the later texts are characterized with

the shift away from the simple ‘copying’ of character types. In this respect, von Koren’s image is notable for its greater individualization and ambivalence. On the one hand, this image has features similar to characteristics of such German character types in Russian literature as German scientists and even ‘good Germans’ (‘dobrye nemtsy’), namely, philistines. Irrational fidelity to a theory or a plan, straightforwardness and intention to regularize the surrounding space are typical for these images. These character types are stationary characters of the place according to Lotman’s typology. Even if they nominally wander in the space, their motion is straightlined, purposeful rational and fully determined from the beginning. All these features are peculiar to the image of von Koren tending to drive out the Other (his Russian antagonist Laevskiy) from his regularized space. The image of Laevskiy has features of a trickster and belongs to the type of the character of the ‘steppe’. On the other hand, the image of von Koren oversteps the boundaries of the character type. His portrait representation is characterized with non-Germanness (presence of African, Asian features). In addition, von Koren finally gives up on the ‘German’ unchangeable kind of motion in the literary space similar to the track of a bullet and abandons his plan, which is impossible for the German character type in Russian literature. Furthermore, von Koren’s image in the scene of his sailing in the rough sea is related to the motif of pilgrimage as a search for truth that is traditional for Russian culture. This denouement marks von Koren’s shift from the character of the place to the character of the way, although the author leaves the finale open.

References

1. Yettle, K. (1996) A.P. Chekhov i I.-V. Gete [A.P. Chekhov and J.-W. Goethe]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 32–35.
2. Kopylovich, T. (1996) Mirovozzreniya Antona Pavlovicha Chekhova i filosofiya Artura Shopengauera [Worldviews of Anton Pavlovich Chekhov and the philosophy of Arthur Schopenhauer]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 115–122.
3. Sebina, E. (1996) Chekhov i Nitsshe. Problema sopostavleniya na materiale povesti A.P. Chekhova “Chernyy monakh” [Chekhov and Nietzsche. The problem of comparison based on A.P. Chekhov’s “The Black Monk”]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 126–136.
4. Kluge, R.-D. (1998) “...ein großer Garten, dahinter bewaldete Berge...”. *Anton Tschechow in Badenweiler*. Spuren 45. Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für literarische Museen, Archive und Gedenkstätten in Baden-Württemberg. Marbach am Neckar: Deutsche Schillergesellschaft.
5. Langendörfer, R. (2020) *Kranker Anton und “Blauer Heinrich”*. *Kranke und Gesunde im Badenweiler von 1904*. [Online] Available from: <https://www.deutsche-tschechow-gesellschaft.de/content/download/509/3476/file/Kranker%20Anton%20und%20E2%80%9EBlauer%20Heinrich%20E2%80%9C.pdf> (Accessed: 09.04.2020).
6. Abramova, V.S. (2018) Ethnic Stereotypes and the Role They Play in the Representation of Foreigners in Chekhov’s Prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 53. pp. 127–142. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/53/9
7. Buglak, T.O. (2013) “Russkoe” i “nemetskoe” khudozhestvennye prostranstva v tvorchestve A.P. Chekhova [“Russian” and “German” art spaces in the works of A.P. Chekhov]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 4. pp. 259–263.
8. Danneman, U. (1996) Izobrazhenie nemtsev v tvorchestve Chekhova: dekonstruktsiya stereotipov [Image of Germans in Chekhov’s Works: Deconstruction of Stereotypes]. In:

Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 11–18.

9. Kryukova, O.S. (2009) [The Germans and the “German” in the early works of A.P. Chekhov]. *A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [A.P. Chekhov and world culture: on the 150th anniversary of the birth of the writer]. Conference Proceedings. Rostov-on-Don. 01–04 October 2009. Rostov-on-Don: LOGOS. pp. 89–84. (In Russian).

10. Ryasov, D.L. (2019) *Obrazy nemtsev v tvorchestve A.P. Chekhova: prodolzhenie gogolevskoy traditsii* [Images of Germans in the works of A.P. Chekhov: continuation of the Gogol tradition]. In: *Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury* [Interdisciplinary relations in the study of literature]. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 168–171.

11. Hielscher, K. (2006) “Die absolute Freiheit von Vorurteilen”. Thematisierung und Dekonstruktion der nationalen Stereotypen bei Anton Čechov. In: *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. Bd. 4: 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink. pp. 605–635.

12. Zhukovskaya, A.V., Mazur, N.N. & Peskov, A.M. (1998) Nemetskie tipazhi russkoy belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.) [German types of Russian fiction (late 1820s – early 1840s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 34. pp. 37–54.

13. Zhdanov, S.S. (2017) Scholarism of the “Nebulous Germany”: To the Comic German Scientist's Image in Russian Literature of the Late 18th – Early 20th Centuries. *Vestnik SGUGiT – Vestnik SSUGT*. 4. pp. 243–256. (In Russian).

14. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 volumes]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. pp. 413–447.

15. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka. pp. 227–285.

16. Zhdanov, S.S. (2005) *Natsional'nost' geroya kak element khudozhestvennoy sistemy (nemtsy v russkoy literature XIX veka)* [Nationality of the hero as an element of the artistic system (Germans in Russian literature of the 19th century)]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

17. Prutkov, K. (1976) *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

18. Senkovskiy, O. (1991) Uchenoe puteshestvie na Medvezhiy ostrov [The Scientific Journey to Bear Island]. In: *Russkaya fantasticheskaya proza XIX – nachala XX veka* [Russian fantastic prose of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Pravda. pp. 34–116.

19. Chekhov, A.P. (1977) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: In 30 volumes]. Vol. 7. Moscow: Nauka.

20. Goncharov, I.A. (1979) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

21. Leskov, N.S. (1957) *Sobr. soch.: v 11 t.* [Collected works: In 11 volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

22. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 volumes]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. pp. 407–412.

23. Tolstoy, L.N. (1979) *Sobr. soch.: v 22 t.* [Collected works: In 22 volumes]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

24. Herzen, A.I. (1958) *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: In 30 volumes]. Vol. 14. Moscow: USSR AS.

25. Nietzsche, F. (2019) *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/7205/pg7205-images.html> (Accessed: 10.02.2019).